

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА,
ОСТРОВСКОГО АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА,
о диссертации Сподиной Викторией Ивановны
«Человек и время в угорско-самодийской картине мира
(на материалах хантов, манси и ненцев)»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Антропологический разворот в науках гуманитарного цикла, предсказанный еще полвека назад российским психологом, академиком АПН Б.Г. Ананьевым, все в большей степени происходит и в отечественной этнологии. Этому способствует и ее сближение с социальной антропологией, культурной антропологией, где в фокусе внимания находится, соответственно, человеческое измерение исторически ранних социальных институтов и социокультурных явлений. Именно благодаря последовательно осуществляемой в диссертации В.И. Сподиной исследовательской антропологической ориентации изучаемые ею характеристики человека и времени (в контексте традиционной картины мира обских угров и ненцев) обретают отчетливую актуальность, служа в то же время заполнению лакун в этнографическом, этнологическом познании бесписьменных культурных традиций в западно-сибирском регионе.

В формулировании цели и задач исследования («разработка концепции антропологической темпорологии, базирующейся на выявлении особенностей представлений о Человеке и Времени в угорско-самодийской картине мира» – Диссертация, с. 23) В.И. Сподина, фактически, обращается сразу к двум предметным сферам, двум компонентам традиционной картины мира – представлениям о человеке, в его различных модусах, и к представлениям о времени, также в его различных этнокультурных модусах. Полагаем, что для диссертационного исследования достаточно было бы и одной из этих многоаспектных предметных областей, рассматриваемых в тесной связи с картиной мира в целом. Несомненно, что взаимосвязь между ними объективно имеется, поскольку и человеческий индивид, и поколение, и этнокультурные

явления существуют, видоизменяясь во времени, а также и само время в традиционной бесписьменной культуре «очеловечено». Вместе с тем, каждый из этих предметов, рассмотренный в единстве многих своих модусов (как это делает последовательно соискатель), лишь отчасти интегрируется в нечто единое с другим исследуемым предметом. Так, из 11-ти сформулированных диссертантом задач (Диссертация, с. 23-24) четыре относятся исключительно к первому предмету – Человек (первая – третья и шестая), еще четыре исключительно ко второму предмету – Время (седьмая, восьмая, десятая, одиннадцатая). Только в трех задачах (четвертая, пятая, девятая) модусы этих исследуемых предметов оказываются взаимно обусловленными. Аналогично и среди 11-ти положений, выносимых на защиту (Диссертация, с. 55-56), в той же последовательности четыре положения относятся исключительно к первому предмету, четыре – ко второму и три положения к сфере, где эти предметы объективно интегрированы.

Вместе с тем, полагаем, что даже не составляя объективно единого предмета (охватывавшего бы все значимые для исследования модусы их обоих), эти две области традиционного мировоззрения, несомненно, могут быть объединены исследовательским подходом и образовывать – в перспективе проводимого изучения – теоретический фундамент для научного моделирования традиционной картины мира.

В.И. Сподина привлекает обширный круг источников XVII–XXI вв. по указанным двум сферам традиционного мировоззрения. Она не обходит вниманием ни одной работы по обским уграм и ненцам, вошедшей в историю науки, при этом отнюдь не замалчивая конкретный и теоретический, и эмпирический вклад как маститых ученых, так и менее известных авторов из числа своих современников. Среди опорных источников важная роль заслуженно отведена полевым материалам соискателя – результату многолетних изысканий в среде всех трех этносов.

Методолого-теоретические рамки рассматриваемой работы наиболее близки, по мнению ее автора, к когнитивной антропологии (Диссертация, с. 33). В целом, с этим можно согласиться: во-первых, осуществляемый в Диссертации подход обладает междисциплинарным характером благодаря тому, что В.И. Сподина высвечивает различные аспекты представлений о телесности человека и о времени, непосредственно затрагиваемые как этнологией, так и общей психологией; во-вторых, при решении многих задач исследовательница стремится реконструировать рефлексивные модели, присущие самим носителям традиции, скрытое содержание тех или иных понятий, опираясь при этом на народную терминологию, релевантные идиоматические выражения. Безусловным достоинством осуществляемого подхода выступает акцент на символику, символические представления, непосредственно относящиеся к телесности человека и к измерению времени, культуральному осознанию его хода. Это позволяет соискателю полностью отделиться от довлевшей до недавнего времени над отечественной этнографией, этнологией дихотомией (заимствованной из марксистского религиоведения) рациональных / иррациональных представлений, народных знаний. Не вполне удачна лексически, но по сути верна формулировка В.И. Сподиной: «В традиционной культуре тело человека вплетено в мифологическое мироощущение...» (Диссертация, с. 388).

Следует отметить, что выполненная в целом в русле когнитивно-антропологической методологической ориентации, данная работа почти не содержит упоминаний о конкретных представителях этого направления, сформировавшегося три-четыре десятилетия назад: из числа названных диссертантом (Диссертация, с. 33) зарубежных авторов, пожалуй, с уверенностью можно отнести к этому направлению, в качестве его предшественников, только психолога М. Коула и этнолога В. Тэрнера, а из отечественных – А.К. Байбурина. Возможно, из числа отечественных авторов, проторивших пути для движения в этом направлении, стоило бы назвать

В.В. Иванова, оригинальным образом сочетавшего в своих креативных исследованиях этнологические, лингвистические и психологические тематики и конкретные материалы; также – классиков отечественной психологии Л.С. Выготского и А.Р. Лурию, создателей культурно-исторической концепции формирования психики человека.

Методы изучения, примененные в рассматриваемой работе, соответствуют поставленным задачам: а) необходимые для формирования адекватной эмпирической базы собственные полевые исследования сочетают включенное наблюдение и различные виды интервьюирования; б) для обобщения, анализа и построения теории используются сравнительно-типологический и семиотический методы, различные лингвистические методики и психологическая методика (тест Люшера).

Последовательно осуществленный методологический подход, обширная эмпирическая база (тщательно собранные сведения из опубликованных работ плюс оригинальные авторские полевые материалы), а также методически прозрачное препарирование анализируемой совокупности сведений обеспечивают полноту и достоверность получаемых выводов. Следует отметить, что регулярно применяемое соискателем лингвистическое раскрытие ключевых народных категорий обеспечивает, насколько это возможно, тонкий баланс между семантикой «изнутри» (в понимании носителей традиции) и «извне» (авторская интерпретация в парадигмах лингвистики, этнологии). К методическим достоинствам работы относится также сведение эмпирических результатов в таблицы и присутствие выводов в каждом из ее разделов (параграфов).

Архитектоника Диссертации отчетливо подчинена описательно-аналитическому раскрытию двух сфер картины мира обских угров и ненцев: главы I–III – Человеку, а именно представлениям о его анатомической, физиологической структуре, его познавательным психическим процессам (преимущественно ощущениям), его нормативному нравственному образу;

главы IV–V – Времени, а именно времячислению и осознанию хода времени. Необходимо признать, что, по возможности, и в первых трех главах диссертант прослеживает, акцентирует временные аспекты при рассмотрении ощущений, речевой функции; однако этого недостаточно для концептуального сращения данных двух компонентов традиционной картины мира.

В целом весьма удачными – в осуществлении когнитивно-антропологического подхода – предстают главы I–IV. Так, в первой главе раскрыты основные принципы построения системы народных представлений о телосложении, анатомии и физиологии индивида (признаки, выраженные бинарно: левый / правый, верхний / нижний, мужской / женский и др.). Во втором разделе этой же главы воссозданы, в их полной совокупности, символические представления обских угров и ненцев о покровах тела, опорно-двигательной и костной системах, пищеварительной и выделительной, о половых органах, дыхательной и сердечно-сосудистой системах. Целостность, структурность, мировоззренческая привязка каждой из перечисленных систем организма отчетливо эксплицированы для всех трех изучаемых этносов.

В порядке пожелания – для дальнейшей исследовательской деятельности В.И.Сподиной упомянем о такой подтеме, нуждающейся в большем раскрытии, как циркуляция жидкостей (секреций) в организме индивида, во взаимосвязи с мировоззренческими представлениями. В Диссертации это сделано для крови, соотносимой с дыханием. Могу обратить внимание на труды выдающегося французского социального антрополога структуралистского направления Ф. Эритье (F. Héritier), описавшей, опираясь на свои полевые материалы, собранные в 1960-1970-ые гг. в Центральной Африке, мировоззренческие связи крови, грудного молока и спермы: эти связи не только присутствуют в различные половозрастные периоды жизни индивидов, но также могут проявляться и играть роль метаязыка для носителей традиции – при дисбалансах, возникающих в системе отношений родства, в метеорологии (засуха, наводнение), в состоянии здоровья индивида и коллектива (эпидемии).

Желательно уделить большее внимание и такой подтеме, как символика отверстий в человеческом организме, в том числе имея ее в виду в качестве потенциального источника для числовой символики, сакрализации чисел 3 и 7 (см. нашу работу «Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина: путеводная нить чисел». СПб., 2009). Можно порекомендовать – особенно для анализа символики человеческой телесности – расширить компаративистский подход, за счет сведений и по другим народам Сибири и российского Дальнего Востока, и по этносам других регионов. Так, неучтенными в Диссертации оказались релевантная для поставленных вопросов работа петербургского академического исследователя: Н.Е. Мазалова. «Состав человеческий»: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001 – и также известная работа (переведенная на русский язык) британской исследовательницы М. Дуглас «Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу». М., 2000.

В разделе, посвященном психическим процессам (§ 2.1), превосходно воссозданы народные описания, символика зрительных, слуховых, тактильных и др. ощущений, образующих базу для «Когнитивного Я-образа» (термин диссертанта). Пожалуй, данный раздел по богатству разнообразного, тщательно собранного из различных источников и препарированного В.И. Сподиной материала может быть образцом когнитивно-антропологического подхода к моделированию этнического Я-образа на основе ощущений, их символики. Целесообразно в будущих исследованиях этой темы учесть, что источниками болевых ощущений (о них идет речь в Диссертации преимущественно в связи с тактильными, однажды упомянуты и слуховые) могут быть также и зрительные органы – например, в ситуации ослепляющего света, а при болезнях – interoцептивные ощущения, т.е. идущие от внутренних органов.

В § 2.2 «Аспекты «умственного поведения»: речь и мышление» рассмотрены этнокультурные концепции умного / глупого человека, с соответствующими этим полюсам поведенческими качествами-референтами.

Можно приветствовать смелую постановку этой весьма слабо разработанной в этнологии, социальной антропологии проблематики, на которую покушались только некоторые из классиков – Ф. Боас, К. Леви-Строс (соответственно, «Ум первобытного человека», «Неприрученная мысль»). Достоинственно позитивной оценки и то, что В.И. Сподина высвечивает данную тему не только для представлений об уме, но и о глупости – последняя, конечно, не остается незамеченной в любой культуре, но этнологи до сих пор как-то обходят молчанием эту неоднозначную область в картине мира и межличных коммуникациях.

В плане дальнейшего изучения мышления как психического процесса (в основных чертах единого и для умного, и для глупого человека, иначе они не понимали бы друг друга) следует порекомендовать обратить внимание такие его аспекты, как классификации и производимые операции, характерные для тех или иных этнических культур. Этому уделили немало страниц и только что упомянутые классики, и российский психолог Л.С. Выготский, работы которого о мышлении получили международное признание, и ряд зарубежных авторов психолого-антропологического направления (см.: Мацумото Д. Психология и культура. М., 2003). Речь, будучи инструментом мышления, на что указывает справедливо соискатель, в большей степени получила освещение в рассматриваемой работе, чем собственно мышление как нормативный психический процесс; однако познавательной функцией наделено в первую очередь именно мышление, и различению этих двух психических процессов посвящены экспериментальные и обобщающие труды Л.С. Выготского.

Высокой оценки – в плане теоретической и эмпирической новизны – заслуживает и глава III, посвященная в основном нравственно-психологическим качествам (§ 1–3), проявляющимся и в поведении индивида, и в межэтнических контактах (§ 3.5). При раскрытии этой непростой для интерпретации тематики ценными предстают такие эмпирические находки, как идиомы «человек с черным сердцем», «прямо живи» (хант., о достойном поведении), и др. Имеется

ли лингвистический эквивалент у изучаемых диссертантом этносов для понятия «человечность», о котором В.И. Сподина, следуя в этом Б.Х. Бгажнокову, специалисту по этноэтикету (на материале северно-кавказских народов), упоминает на с. 189 Диссертации?..

Глава IV «Категория времени в традиционной культуре» построена весьма удачно и в концептуальном, и методическом отношении, позволяя различные разделы посвятить последовательному раскрытию различных аспектов темпоральности: особенности восприятия хода времени, времясчисление, циклическое и линейное время, сакральное время. Соискателем прослежены различные проявления антропоморфизма и антропоцентризма в этнокультурных представлениях о времени. Так, второе из этих свойств, обнаруженное В.И. Сподиной, проявляется, в частности, в речевой коммуникации в том, что говорящий производит обычно отсчет от нынешнего момента (Диссертация, с. 273–274), что, заметим, сродни так называемому эгоцентризму мышления, описанному классиком психологии Ж. Пиаже (!)

Поскольку представления о времени охватывают и такое его свойство, как длительность («протяженность» – так у диссертанта), важным научно-методическим подспорьем выступают прослеженные В.И. Сподиной способы употребления и частотность числительных в различных явлениях традиционной культуры (результаты представлены в Табл. 9 на с. 258 Диссертации). В реконструкции системы времясчисления у изучаемых этносов соискатель опирается на теоретические положения, сформулированные классиком отечественного угроведения З.П. Соколовой, а также чл.-корр. РАН А.В. Головневым и другими исследователями, учитывает описанную ими эмпирику. Важный вклад в эту тематику внесен и самой В.И. Сподиной – в собрание сведений о циклическом времени у лесных ненцев и в обобщение материалов по 12-месячному, 13-месячному календарям обских угров, идентификацию присутствующих в их культуре сезонов года. Несомненным вкладом является и проведенное диссертантом изучение градаций возрастных

периодов человеческой жизни, этнической кодификации возраста. По-новому прослежена в диссертационной работе взаимосвязь, в рамках жизненного пути индивида, двух важнейших координат – пола и возраста. Отметим, что не освещенным остался вопрос, возникающий как раз на пересечении тематик времени и телесности: имеются ли у обских угров и ненцев представления о одновременности старения разных систем организма и, аналогично, разных психических функций?

Этот и другие вопросы, высказанные нами ранее замечания, имеют характер скорее пожеланий развивать затронутую тематику в дальнейших исследованиях диссертанта.

И теоретическая, и прикладная значимость исследования В.И. Сподиной не вызывает сомнений, причем не только для этнологии народов Сибири, но для изучения этнической культуры, бесписьменных традиций (относительно внутрикультурной рефлексии о Человеке и ходе времени) и в других регионах мира, не только этнологами, но и культурологами и психологами.

Вероятно, стоит отметить некоторые конкретные недостатки, от которых соискателю следует избавиться свою работу при подготовке ее к печати:

1) порой встречаются неудачные, неоднозначные формулировки, например: «эпоха господства мифопоэтического мышления», «Женская фигура отличается от мужской <...> слабой мускулиностью» (Диссертация, с. 26, 72);

2) «молчаливость», «немногословие» (это приводимый в работе точный перевод ненецких слов) вряд ли стоит интерпретировать как «демонстрацию замкнутости» (Диссертация, с. 177);

3) в основном корпусе работы и библиографии не учтены классические труды по мышлению в бесписьменных традиционных культурах Л.С. Выготского, К. Леви-Строса.

Высказанные критические замечания не умаляют весьма положительной оценки, которую вполне заслуживает рассматриваемая работа. Диссертация В.И. Сподиной – самостоятельное завершённое исследование, посвященное

решению крупной научной задачи, выполненное на весьма солидной источниковой базе, выводы которого отчетливо сформулированы, достоверны. Результаты многолетнего исследования диссертанта хорошо представлены в публикациях (4 монографии и более 80 статей); содержание диссертационного исследования достаточно полно и отчетливо представлено в Автореферате.

В соответствии с п. 9 Положения ВАК РФ о порядке присуждения ученых степеней, рецензируемая работа – диссертация Сподиной Викторией Ивановной «Человек и время в угорско-самодийской картине мира (на материалах хантов, манси и ненцев)» соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук по специальности «07.00.07 – этнография, этнология и антропология».

Официальный оппонент

Островский Александр Борисович,

доктор исторических наук, научный сотрудник

главной категории Российского этнографического музея

(отдел этнографии русского народа)

Подпись руки Островского А.Б. заверяю:

